

Кольцо Пророка

Автор:

Артем Рудницкий

Кольцо Пророка

Артем Рудницкий

События разворачиваются в стране, о которой в России мало кто знает. Пакистан – опаснейшая «точка» азиатского Востока. Талибы, воины джихада, законы Корана и шариата... О работе российских дипломатов и разведчиков рассказано колоритно, с массой подробностей. Эта книга ломает привычные стереотипы, она о том, что обычно не предается огласке. Помимо острых сюжетов, завораживают психологические коллизии. Попадая в острые переделки, люди ведут себя совершенно иначе, чем того требуют благоприобретенные навыки, моральные принципы, словом, всё то, что вдалбливают в головы «семья и школа». В основе – реальные факты.

В книге упоминается запрещенная на территории РФ организация – Талибан.

Артем Рудницкий

Кольцо Пророка

Сломанная ветка ? тоже убийство.

Коран

Жизнь ? это то, что происходит, когда ты строишь совершенно другие планы.

Джон Леннон

От автора

Эту книгу я написал на основе своих пакистанских впечатлений. Девять лет провел в этой стране, немало повидал.

Она посвящается Лене и Кате, которые вместе со мной прошли «пакистанскими тропами». И, конечно, друзьям-«пакистанцам». Нас связывают общая работа, общие воспоминания, дружба, товарищество. Всегда подставляли друг другу плечо и сегодня не теряем друг друга из виду. Навсегда врезались в память строки из песни, которую сочинил Владимир Корольков: «Пакистанские будни судить не спеши, пакистанские будни – кусочек души, пакистанский будни сложились в года, и от них не уйти никуда».

В первой части книги повествование ведется от первого лица, хотя это далеко не всегда alterego автора. Например, в основу главы «Жена для пакистанца» легли события, рассказанные моим другом Максутом.

Во второй части главный герой – вымышленный персонаж, и выдумки, конечно больше. Но все равно я обязан предупредить: не ищите сходства с реальными событиями.

В заключение хотел бы выразить глубокую благодарность Игорю Гисичу, который уже второй раз помогает мне и делает яркую и запоминающуюся обложку для книги.

Часть первая

1. Жена для пакистанца

Мои родители мечтали, чтобы я выбился в люди, стал кем-то видным и известным. Обрадовались, когда меня взяли на заграничную службу. Им виделись пышные приемы, судьбоносные переговоры. Париж, Женева, Нью-Йорк... Фотографии на первых полосах газет.

Мать учительницей в школе трудилась, отец – на обувной фабрике. Кто о них слышал, кроме соседей да нескольких друзей? Никто. А для единственного сына хотелось уважения и славы.

Вышло иначе. Выбор азиатского направления закрыл передо мной комфортный и стерильно чистый Запад, обрекая на скитания по беспокойным и загадочным странам. Имея в багаже урду, дари, фарси, пушту и разные диалекты, я исколесил весь Средний Восток и Южную Азию, но наибольшую привязанность испытывал к Пакистану. Моя жена не разделяла этого чувства. Терпеть не могла грязных дорог, дешевых дуканов[1 - Магазины (урду, пушту).], крепкого чая, щедро заправленного адраком[2 - Имбирем (урду).] и жирным овечьим молоком, а также антисептических салфеток, без которых не обходилось ни одно из наших странствий. При этом ничего не делала, чтобы отвратить меня от ненавистной ей азиатчины, находя странное удовольствие в брюзжании и рассуждениях о загубленной юности. С еще большим энтузиазмом она предавалась этому занятию после того случая, когда ей пришлось вытаскивать меня из ущелья за Малакандским перевалом мой джип сбросили с горной террасы.

Дождавшись моего выздоровления, супруга поставила точку в браке, не оправдавшем ее надежд. Мы расстались без особых проблем (детей у нас не было), и я уже не пытался наладить свою личную жизнь.

Однажды мне пришла в голову мысль – кое-что рассказать о тех событиях, в которых я участвовал или о которых слышал от других людей. Когда стал писать, заново переживал случившееся, для меня это было вспышкой света в непроглядной ночи. Надеюсь, что читателя заинтересуют не только острые сюжеты, но и психологические коллизии. В острых переделках, люди ведут себя совершенно иначе, чем того требуют их генотип, приобретенные навыки, моральные принципы, все то, что вдалбливают в головы семья и школа.

Начну с того, как меня угораздило оказаться в тюрьме Фейсалабада. Неприятное, скажу вам, место. Камеры там зимой не отапливались, летом – не вентилировались. Канализация не предусмотрена, и нечистоты выплескивались прямо в окно...

Чтобы не захлебнуться мерзкой, вонючей жижей, приходилось вставать на носки, тянуться вверх всем телом, отчаянно сожалея о своем – увы! – недостаточно высоком росте. Всею виной были муссоны, которые, начавшись пару недель назад, разошлись не на шутку. Страна, долго изнывавшая от жары и засухи, получила сверхнормативный уровень осадков в виде ливневых многочасовых дождей, сопровождавшихся грозами и ураганами. Смывались целые деревни, стихия свирепствовала и в больших городах. Захлестнула бедные районы Фейсалабада, одного из крупных городов пакистанского Пенджаба. Десятками гибли люди и животные; на улицах валялись разлагавшиеся трупы буйволов.

Гражданские власти старались как-то помогать людям, наводить порядок, а вот усилий тюремного начальства не было заметно. В подвальных камерах плескалась вода, смешанная с помоями и нечистотами, заключенные отсиживались на нарах.

Когда надзиратель плотно закрыл за мной железную дверь камеры, меня тотчас взяли в оборот двое дюжих паков[3 - Т.е. пакистанцев.]. Раджа и Исхан были дакойтами, то есть профессиональными бандитами и творили по своему разумению суд и расправу. Я ничем не успел им досадить, но европейцы так редко попадали в зиндан, что грех было не воспользоваться подобной возможностью и не унижить представителя «расы господ».

Я получил свою порцию тумачов, затем меня швырнули в яму, находившуюся в углу камеры и использовавшуюся в качестве туалета. Ее до краев заполняла зловонная жидкость. В одном месте, рядом с узким зарешеченным окном, где земляной пол шел под уклон, глубина достигала почти двух метров, и меня оттеснили именно туда. Любая попытка выбраться из этой клоаки решительно пресекалась: Раджа и Исхан били меня по голове ногами как по футбольному мячу. Из носа и рассеченной брови шла кровь.

Дакойты не торопились, растягивая понравившуюся им забаву. Временами отвлекались и начинали вспоминать, как разбойничали, ради выкупа похищая скот, а также мирных обывателей. Особенно красочно живописал свои деяния

Раджа, который около года назад с десятком поделельников захватил пассажирский автобус. В ожидании денег, которые должны были доставить друзья и родственники заложников, дакойты подвергли несчастных пыткам, женщин изнасиловали. Исхан держался не так кичливо и признавал, что при всей своей удали и бесстрашии, он всё же боится в жизни двух вещей: Аллаха и пакистанской армии.

Так прошло около трех часов. Помимо дакойтов, в камере находился еще один заключенный пуштун по имени Гульман. Постарше (не меньше сорока, лысоватый, слегка обрюзгший) и поспокойнее. Хотя Раджа и Исхан предлагали ему поучаствовать в зверском развлечении, Гульман делал это с явной неохотой. Порой в его угрюмом взгляде я даже улавливал нечто вроде сочувствия.

Надзиратель время от времени заглядывал в камеру, но не мешал издевательствам. Мучители рассуждали о том, как следует поступить с беспомощной жертвой. Вариантов было два ждать, пока «русская собака» не сдохнет, захлебнувшись дерьмом, или ускорить процесс, свернув мне шею.

В том, что я угодил в зиндан, не было ничего удивительного. В то время я трудился в неправительственной организации «Хелп мессенджер», занимавшейся поиском пропавших без вести и помощью в чрезвычайных обстоятельствах. Ее финансировали щедрые скандинавы, а использовали в своих не всегда гуманитарных целях несколько разведок, в том числе, российская. Впрочем, случай, о котором пойдет речь, не был связан со спецслужбами. Али Азгхар Шах говорил, что я сам во всем виноват, и нечего идти на поводу у женщин. Возможно, он был прав.

Я занялся Мариной Стожковой по просьбе нашего посольства, которое получило инструкции с самого верха. Ситуация на первый взгляд казалась заурядной. Пожилая мама в Тамбове имела восемнадцатилетнюю дочь, которая влюбилась в пакистанского студента Манзура, учившегося в Тимирязевке. Невзирая на сопротивление родительницы, дочка вышла замуж по большой любви и укатила в Музафаргхар (городишко вблизи Фейсалабада), где реальность обманула все ее ожидания. Юный муж честно пытался применять на практике знания агронома, но зарабатывал не больше сотни долларов в месяц. А в семейной жизни переменялся радикальным образом, перестав позволять молодой жене то, что в Москве считалось абсолютно приемлемым: общение с подругами и друзьями, самостоятельные походы в кафе и рестораны. По сути, Марина содержалась взаперти, если не считать вылазок в магазины. Ее интересы были

ограничены кухней и уходом за двумя детьми. Третий уже «нарисовался» в проекте, что сулило полное отсутствие личной жизни еще годиков этак на пять.

В общем, она обратилась к мамаше за помощью – сама-то денег даже на автобус наскрести не могла. Та разменяла квартиру, купила дочери апартаменты в Тамбове и отложила необходимую сумму на авиабилет. Оставалось решить самую ответственную задачу – вырвать Марину из лап «психованного мусульманина», которого родительница ненавидела с первых минут их знакомства. В своей ненависти она не знала границ и, желая досадить зятю пакистанцу, в его присутствии кормила дочь исключительно свининой. Возможно, отличайся госпожа Стожкова большей терпимостью, молодые супруги остались бы в России, и не пришлось бы вызволять Марину из тенет исламского мира.

Эта матрона проявила необычайную настойчивость и энергичность, рассылая письма во все инстанции, и волею прихотливого случая одно из них оказалось на столе у главы президентской администрации. Чего на свете не бывает – к безвестной обывательнице, не имевшей ни денег, ни связей, проявили внимание в высшем эшелоне власти. В посольство ушла телеграмма, и там решили прибегнуть к услугам «Хелп мессенджер».

Я связался с окружными и уездными властями, нанял адвоката. Формальные препятствия для отъезда Марины отсутствовали, однако проблем оставалось предостаточно. Помимо дремучего пакистанского бюрократизма, на стороне мужа выступал могущественный феодальный клан Джаведов, к которому он имел честь принадлежать. Вдобавок сама Марина проявляла чисто женскую непоследовательность. Стремясь вернуться в Россию, одновременно томила любовью к Манзуру и периодически обнаруживала в себе силы терпеть ради этого нищету и мужской шовинизм.

Мои встречи с супругами происходили в присутствии полицейских чинов, а также разнообразных родственников Манзура, среди которых имелись лица влиятельные. Разбирательства сопровождались истериками и угрозами, которые адресовались преимущественно мне, ведь в глазах Джаведов именно я выступал главным обидчиком.

В очередной раз возненавидев мужа, его сородичей, а также их исламскую родину, Марина сумела выскользнуть из домашнего плена и добралась до

полицейского управления. Оттуда позвонила, нервно потребовав «забрать ее навсегда».

Спустя два с половиной часа (столько времени занял путь от Исламабада), я обнаружил Марину в кабинете окружного комиссара, но не одну, а вместе с Манзуром и парочкой Джаведов: хозяином бензоколонки Навазом и менеджером «Аскари-банка» Таусифом. Хозяин кабинета благоразумно удалился, дабы не мешать мужскому разговору. Марина, заварившая всю эту кашу, сидела на стуле, хлопала глазами, определенно позабыв о своей недавней просьбе, и влюбленно смотрела на Манзура. Когда я спросил, что она, в конце концов, выбирает маму в Тамбове или нищего мужа в Музафаргхаре, она потупилась и промолчала.

А дальше, нужно сказать, я дал маху. Вместо того, чтобы подняться и уйти, решил переломить ситуацию. Уж больно велик был соблазн поставить точку в этой нелепой, затянувшейся истории, избежав дальнейшей переписки с официальными лицами и неугомонной мамашей, изматывающих встреч и бесед. Оттеснив плечом малахольного мужа, я приобнял Марину, как бы подталкивая на путь истинный. Разъяренный Таусиф не вынес подобного издевательства и сильно пихнул меня в грудь. Я нанес ответный удар и в ту же секунду в помещение ворвались полицейские. Не слушая моих объяснений, скрутили, вытащили наружу и бросили в фургон, покотивший в городскую тюрьму.

Вот так я попал в эту вонючую яму.

Дно было неровным, я наступал на какие-то склизкие камни, с трудом сохраняя равновесие, чтобы не оступиться и не погрузиться с головой в омерзительную жижу. Один или два раза вскрикнул от боли, напорвшись на что-то острое. Нельзя было сказать, насколько глубок порез. Мелькнула мысль: вдруг я истеку кровью здесь же, в яме, заполненной грязной водой и дерьмом? Такой страх не раз посещал меня в детстве, когда приходилось пробираться по илистому дну речки или пруда, чтобы освободить рыболовный крючок или столкнуть лодку с мели. Я всегда старался ступать как можно осторожнее – вдруг под густым илом притаился кусок стекла или ржавая железяка? Однажды я отдыхал с родителями в Прохоровке, барахтался в Днепре на мелководье и чем-то вспорол себе колено. С тех пор отчетливо помнил, как ужасно выглядела рваная рана. Мне бинтовали ногу, а потом везли на телеге, запряженной ленивым мерином, в сельскую больницу.

Когда же ты умрешь? – равнодушно поинтересовался Раджа. – Все барахтаешься. А это так просто: перестаешь сучить лапками, выдыхаешь воздух... Что скажешь, Гульман?

Ты знаешь, Раджа, ? отозвался пуштун, ? я убиваю быстро. Ты любишь пытки и страдания, я – нет. Убей русского, и шабаш[4 - Дело сделано (урду).].

Не любишь ты меня, Гульман.

Сказано было равнодушно, но в глазах Раджи застыла ненависть.

Ладно. Он отлично понимал, что мои силы на исходе. Хотелось, чтобы парень еще немного пожил, но раз Гульман просит....

Исхан что-то промычал в знак согласия, и дакойты обменялись гнусными усмешками. Раджа потянулся ко мне, чтобы схватить за волосы. Однако, не дожидаясь прикосновения грязной ручищи, я отпрянул и ушел с головой под воду.

В тюрьмах, даже в пакистанских, надзиратели и охранники тщательно следят за тем, чтобы в камерах не было колющих и режущих предметов. Однако наводнение несло с собой груды мусора и обломков, которые проникали внутрь сквозь решетки помещений, расположенных на нижних этажах. Вот таким образом на дне ямы оказалось отбитое горлышко стеклянной бутылки, о которое я порезал ногу и сейчас крепко сжимал в руке.

Раджа и Исхан синхронно издали глухой гортанный звук. Исхан размахнулся ногой, желто-коричневая пятка устремилась к моему виску. Дакойты не сомневались, что я обречен ? полностью обессилел и молю Аллаха о скорой смерти. И удивились, когда я перехватил ногу Исхана и резко рванул на себя. А в следующее мгновение ткнул ему в лицо горлышком бутылки.

Раджа бросился на выручку, но с секундным опозданием. Этого оказалось достаточным, чтобы Гульман успел ударить его локтем в живот. Дакойт не ожидал нападения с этой стороны. Изумленно прохрипел: «Ты что...» и выхватил из-под рубахи лезвие бритвы. Тогда, опершись руками о край каменного пола, я выскочил из ямы, обхватил дакойта за шею и рванул вниз, ломая позвонки.

Гульман перевел дыхание: Ташакор[5 - Спасибо (пушту).] Где научился драться? Бьешь не хуже дакойтов.

? В разных местах... ? уклонился я от ответа. Драться я начал еще в детстве, со шпаной, прошел школу дворовых баталий. Ну, а потом были разные школы...

Гульман перевернул на спину плававшего в яме Исхана. Острый край горлышка застрял у него в глазной впадине.

В этот момент в камеру ворвались надзиратель и двое дюжих охранников с бамбуковыми дубинками. Гульман поспешил сказать:

Они что-то не поделили, сааб[6 - Господин, уважительное обращение.]. Подрались и убили друг друга.

Надзиратель нахмурился, что-то просчитывая в уме, затем кивнул мне:

Пойдешь со мной. Ты, – кивок в сторону Гульмана, – поможешь убрать эту падаль. Имелись в виду трупы дакойтов.

Тюремщики перешагнули порог камеры, а я задержался, чтобы спросить Гульмана:

Почему ты помог мне?

Пуштун на миг задумался.

Сааб хорошо держался.

Улыбнувшись, приоткрыв испорченные зубы.

Сааб руси, я люблю твою страну. Учился у вас на врача.

Моя изумленная физиономия заставила его пояснить:

Был доктором в Балакоте. Давно это было. Прощай. Я пожал ему руку, твердую как деревяшка.

Ну, хватит болтать! – вмешался надзиратель.

Он схватил меня за шиворот и вытащил в коридор.

Воняет от тебя, как из задницы у буйвола...

В конце коридора мы свернули налево и вышли в тюремной двор. На противоположной стороне находился офис администрации. За письменным столом, широким как палуба авианосца, восседал начальник тюрьмы. Энергичный, затянутый в полковничий мундир, он мог бы выглядеть грозным и уверенным в себе, если бы не легкая растерянность во взгляде. Возможно, она объяснялась присутствием в комнате другого человека: в кресле для посетителей развалился Али Азгхар Шах. По обыкновению, адвокат был элегантен и надушен. Белоснежный шальвар-камиз (традиционный пакистанский костюм ? просторная рубаша и шаровары) отутюжен и накрахмален, из нагрудного кармашка торчит мобильный телефон. Азгхар Шах курил египетскую сигарету и стряхивал пепел на пол. При виде меня вскочил, принялся, скорчил гримасу и повернулся к начальнику тюрьмы:

Помыть, переодеть, вернуть личные вещи и деньги.

Заметив, что полковник колеблется, добавил:

Я могу предъявить вам обвинение в незаконном задержании, пытках и действиях, наносящих ущерб отношениям Пакистана с зарубежными государствами. Вами может заинтересоваться Комиссия по проверке госслужащих.

...Когда мы подходили к машине, Азгхар Шах спросил, скорее для проформы: «В Исламабад?». И услышал изумивший его ответ: «В Музафарагхар!». К этому требованию адвокат отнесся скептически, однако вынужден был повиноваться: в конце концов, его услуги хорошо оплачивались, а клиент всегда прав. Он позволил себе лишь немного поворчать: «С Джаведами лучше не связываться... В этой стране полно мест, где труп может лежать годами».

...В Музафарагхаре не ожидали появления таких важных персон. Огромный «ниссан патрул» распугал куриц, буйволов, ослов и коз, которые бродили по главной улице городка. Собственно, это была и не улица вовсе – так, скверно расчищенное пространство между двумя рядами домов и лавок.

Пара зевак с готовностью вызвалась показать жилище Манзура, неказистое, обшарпанное. Отсутствие даже скромного сада, грубые бетонные стены, дверной проем без двери, все это внушало уныние. Мы переступили порог. Некрашенные стены, потертый синтетический ковер у шаткой кровати, в другой стороне – стол хозяина. На нем какие-то бумаги, пачка дешевых сигарет, разная мелочь. Сам Манзур сидел рядом, на ободранном диване – напрягшись и покрасневшись. Парень растерялся, видно, ошарашенный приездом своего недруга, которому полагалось гнить в тюремной камере. Слова вырывались из него как воздух из проколотого шарика, который сдувают ритмичными нажатиями: «Не имеете права... Это мой дом... Частная собственность... Негодай... Ты пожалеешь...».

Я не выдержал и с угрожающим видом шагнул к мальчишке, который с неожиданной ловкостью выудил из ящика стола черный предмет, оказавшийся пистолетом «ТТ». Местного производства, других здесь не водилось. Грубая работа, даже издали бросалось в глаза. В оружейных лавках такие пушки, изготовленные кустарями, стоили гроши. Иногда некачественная сталь не выдерживала, и оружие разрывалось прямо в руках.

И все-таки это было оружие, поэтому я бросился на пакистанца, повернувшись боком, сокращая таким образом площадь своего тела, куда могла впиться пуля. Манзур успел выстрелить – за мгновение до того, как я выбил у него пистолет, отлетевший в угол.

Пуля разорвала кожу на левом боку, задев одно из ребер. Это могло дорого обойтись Манзуру. Он застонал от ужаса, когда я заключил его в совсем не дружеские объятия. Пакистанец бы пареньком subtilным, и я почувствовал, как у него затрещали ребра. Он тщетно ловил воздух, пытаясь наполнить легкие.

В общем, Марина появилась весьма кстати. Видно, ходила за покупками. С ходу оценив ситуацию, размахнувшись, обрушила на меня связку полиэтиленовых пакетов с картошкой, морковкой и бараньей ногой. Страдая одышкой (объяснимой в ее положении) и напирая на меня восьмимесячным животом,

гневно заорала с использованием русской и пакистанской ненормативной лексики. В точности передавать не стану, а смысл был примерно такой: «Вот гад, откуда ты на нашу голову свалился, что за напасть такая!».

Я смешался и ослабил хватку, дав Манзуру шанс на дальнейшее прозябание в Музафаргхаре. Дело было не только в том, что столкновение с бараньей ногой оказалось слишком болезненным, но, главное, в самой личности фигурантки, атаковавшей человека, ею же нанятого. Она прокричала, что любит Манзура и ничто их не разлучит.

Мы вернулись в Исламабад, но признаюсь: я был по-своему доволен, что ни черта у меня не вышло. А через пару дней Марина внезапно явилась в посольство с чемоданом и обоими детьми. Третий по-прежнему сидел в утробе, но, судя по всему, планировал вот-вот оттуда выскочить.

Марину принял советник-посланник. Она обругала меня, сказала, что я все провалил, не помог ей вырваться из пакистанского плена, и попросила немедленно отправить ее на родину. Признаться, я и впрямь сделал не все, что мог. Сломал бы парнишке пару ребер, руку или ключицу... Тогда бы девчонка не стала так торопиться, пришлось бы ей позаботиться о своем Ромео. Может, в конце концов, и сладилось бы у них.

2. ХАТФ-І

Никогда не понимал талибов[7 - Участники Движения Талибан – исламской радикальной политической организации, которая признана террористической в России (и во многих других странах) и запрещена.]. Они хотели построить государство на основе «чистого ислама». Ради этого убивали. Закрывали бани – сначала женские, потом мужские, запретили светскую музыку, кто ходил без бороды – сажали в тюрьму. Отменили школы для девочек, разрушили буддийские статуи.

Консул талибов в Пешаваре Абдул Раззак, с которым я иногда общался, на дух не переносил европейские костюмы. Он был муллой ? как и все высокопоставленные талибы. Лет сорока ? сорока пяти. Внушительного вида, грузный, вальяжный, с бесстрастным лицом, обожженным афганским солнцем.

На дипломатические рауты приходил в тюрбане, просторной рубахе до колен и шароварах, заканчивавшихся у щиколоток. Волосатые ноги красовались в кожаных сандалиях. Носки не надевал, и все любовались его грязными пятками и не подрезанными ногтями.

На приемах, в отличие от коллег по дипломатическому корпусу, Раззак не бродил по залу со стаканом в руке, завязывая разговоры и устанавливая контакты. Обычно не слезал со стула, демонстративно подремывал. Но внутренне всегда был собран, внимателен и оставался настороже. Его выдавали руки тонкие, цепкие пальцы перебирали изумрудные четки. Перед тем, как стать дипломатом, он занимал пост начальника службы безопасности в провинции Кундуз и лично отдавал приказы о казнях. А казнили так: привязывали осужденного к стволам танковых орудий, потом разводили их в стороны. И несчастного разрывало пополам.

В Пешаваре Раззак представлял секретную службу талибов ? истыкхбарат. Командовал боевыми отрядами, которые базировались в пакистанском приграничье.

В ноябре 2001-го, за три дня до падения Кабула, он встречался с одним западным журналистом. Тот предложил ему миллион долларов и убежище в нейтральной стране за информацию о мулле Омаре и укреплениях вокруг Кандагара. Глупец отказался и угодил в «Гуантанамо». Его допрашивали с применением пыток, пичкали психотропными препаратами.

Случай, о котором я хочу рассказать, произошел спустя девять, может, десять лет. Это была моя вторая командировка в Пакистан. Американцы еще цеплялись за Афганистан. Но режим в Кабуле трещал по швам, и талибы вновь набирали силу. В Вашингтоне толком не знали, что делать. Пытались вести переговоры и даже выпустили на свободу несколько узников. Кого-то в обмен на своих солдат, оказавшихся в плену, кого-то ? в качестве жеста доброй воли. Среди освобожденных оказался и Раззак, и он вновь объявился в приграничье.

Напряженность стремительно росла. Пакистанцев обвиняли в том, что они устроили в труднодоступных областях Белуджистана и провинции Пакхтунква «безопасные гавани» для террористов. Давали возможность совершать оттуда набеги на Афганистан. Говорили, что иначе американцы и кабульское правительство давно бы навели порядок в стране. Вранье. Эти гринго и их марионетки были бездарями и не сумели заручиться поддержкой народа.

Я знаю те места: дикая глушь, горы, перевалы, ущелья, выкурить оттуда боевиков чертовски сложно. А даже если бы и выкурили, это все равно бы не помогло. Просто удобно всё сваливать на Исламабад. Конечно, пакистанские спецслужбы, особенно Объединенное разведывательное управление (сокращенно ОРУ, это главная пакистанская спецслужба), гнули свою линию. С какими-то талибами боролись, а каких-то поддерживали, оружие поставляли. Манипулировали, свое влияние усиливали. Чтобы укрепиться к тому времени, когда уйдут американцы.

Ну, а те били ракетами и бомбами, с беспилотников, дронов. Их называли «предэйторами», то есть «хищниками». Случалось, попадали, куда хотели, случалось – нет. По ошибке мирные деревни обстреливали, свадебные кортежи, ярмарки... Люди в панике разбегались, только не всегда успевали. Дроны летали быстро, а стреляли еще быстрее.

Однажды к нам поступила информация о том, что пакистанцы собираются передать талибам оперативно-тактическую ракету малой дальности «Хатф-1». Ее разработали давно, и она считалась очень надежной. Летала на сто километров и могла доставить к цели «подарок» весом полтонны. Теоретически боезаряд не мог быть ядерным, но кто знает... В общем, мы опасались.

По агентурным данным, передача должна была произойти на авиабазе в Харане, по странному стечению обстоятельств ? во время праздника ракетных войск. Пакистанцы организовали там конференцию, посвященную успехам их ракетно-ядерной отрасли, пригласив дипломатов и журналистов. Это как-то не сочеталось с тайной операцией, но, возможно, торжественное мероприятие должно было послужить для нее ширмой. Такое напрашивалось объяснение. Хотя могли быть и другие.

Предполагалось, что ракету примет группа Раззака. В принципе для меня это не имело значения, но, честно говоря, было интересно глянуть – насколько изменился бывший дипломат.

Приглашенные летели пассажирским «фоккером». Самолет зафрахтовало министерство обороны, и в салоне рябило от фуражек с разноцветными околышами и кокардами и мужественных усов, не оставлявших сомнений в непобедимости пакистанской армии. Гражданских тоже было немало – в основном, из министерств, научных институтов и дипкорпуса. Иностранцам

впервые открыли доступ в те места, где взрывали пакистанские ядерные устройства. Это делалось для того, чтобы убедить в прозрачности ядерной программы, надежности системы контроля, а заодно поиграть мускулами, показать, кто хозяин в регионе.

Удручающе серьезный голландский советник Алан Босворт говорил, что из этого ничего не выйдет. «Помяните мои слова, вещал серолицый дипломат из страны промозглой сырости и тюльпанов, американцы возьмутся за Афганистан и паков не пожалеют». Кое-кто с ним охотно соглашался, другие спорили, однако серьезности Алана не разделял никто. Полет проходил беззаботно. Дипломаты лихо осушали бутылки со спиртным, пакистанцы взирали на них со смешанным чувством зависти и осуждения. В мусульманской республике потребление алкоголя каралось тюремным заключением, но на иностранцев это не распространялось.

Эй! заорал толстяк Терри Макмэн. Он числился вторым секретарем в посольстве США и был штатным сотрудником ЦРУ. Слыл забиякой, выпивохой и обожал сальности. Подошел к моему креслу и, склонившись над ухом, дыхнул перегаром. Не ожидал тебя здесь увидеть, пролаял, перекрывая своим басом гул моторов. Думал, ты только террористами занимаешься. А тебе бомбу подавай?

Я отшутился: Это ты у нас многостаночник, а я просто турист. Нам прислали приглашение, как и всем.

Ну-ну, буркнул Терри. Не знал, что ты такой любознательный.

«Фоккер» летел три часа. Миновав густонаселенные равнины Пенджаба, перевалил через Соляные горы. Внизу проплывало плоскогорье Таба Кахар. Наконец самолет вошел в воздушное пространство беднейшей пакистанской провинции Белуджистана. После Кветты, Ранжпай и Нушки[8 - Города Белуджистана.] достиг запретной зоны – бессточной и засушливой области Харан. С одной стороны, ее ограждали горы Чагай, с другой хребет Рас Кох.

В 1998 году ядерные взрывы прогремели сразу на двух полигонах: чагайском и харанском. Где-то между ними затерялась авиабаза, куда доставили экскурсантов.

Мы прилетели утром. Программа включала осмотр выставки, конференцию и вечерний коктейль. На следующий день – возвращение в Исламабад.

Пакистанцы разбили гигантские шатры, поставили стенды и витрины. Схемы центрифужного обогащения урана, разные таблицы и графики, обломки скалы, в которой долбили шурф для закладки ядерных зарядов, макеты баллистических ракет... Такие вот экспонаты.

Можно было выйти наружу, полюбоваться ржаво-коричневыми красками пустынного ландшафта. Солнце палило нещадно, «зеленка» практически отсутствовала, и контраст с Исламабадом, утопавшим в буйной растительности, был разителен.

На три назначили выступления Афзала Илахи Махмуда и Рустам Хана, директоров корпораций, занимавшихся разработкой ракетно-ядерного оружия. Никаких государственных тайн они, естественно, не выдали и потчевали гостей безобидными байками из истории «исламской бомбы» аудитория позевывала и перешептывалась.

Большие напольные вентиляторы плохо справлялись со своей задачей: дипломаты и военные парились в костюмах и мундирах. Жадно поглощали ледяные напитки. Чешский посол, отличавшийся необъятным брюхом и простотой нравов, сорвал с себя ненавистный пиджак и галстук, оставшись в пропитанной потом рубашке. Терри выругался, отшвырнул тарелку с едой, отдернул полог и вышел. Его безумному примеру последовали мы с Аланом.

Сперва почувствовали облегчение. Вместо спертого воздуха бескрайние просторы под налившимся синевой небом. Но спустя мгновение облегчение прошло, жара обрушилась на несчастных глупцов, почувствовавших себя кусками мяса на раскаленном противне. Тем, кто не вырос в этих Аллахом проклятых местах, такое трудно вынести. Мы разевали рты, подобно задыхающимся рыбам, омывая легкие обжигающей смесью кислорода и углекислоты. Ни лесов, ни кустарников. Иссушенная земля, покрытая паутиной черных трещин, тянулась на сотни миль. Тусклое солнце приближалось к ломаной линии горизонта, однако пройдет еще несколько часов до наступления спасительных сумерек.

Алан обречено произнес:

Здесь еще хуже. Вся ночь будет такая?

Говорят, нам приготовили приличные комнаты, приободрил нас Терри. С кондиционером и душем.

Я хмыкнул: – Бадья с водой и ковшик.

Ладно, Алан махнул рукой. Вернемся?

Куда спешить? Терри был настроен философски. Я предпочитаю быструю смерть мучительной пытке. Опять париться, вести дурацкие разговоры?

Они действительно стали ядерной державой. Алан снял рубашку, выжал и надел снова. Без штанов, но с бомбой.

Может, оставить их в покое? коварно предложил я.

А вы им симпатизируете?

Нужно быть реалистами: у пакистанцев есть большая красная кнопка.

Лишь бы этой кнопки не было у талибов.

Они бы с одним хранением замучились, засмеялся Терри. Нужны особые контейнеры.

Я согласился: Хранить обогащенный уран сложно, он легко вступает в реакцию с различными материалами. С плутонием – проще...

Хотите сказать, у этих мракобесов может быть бомба? – встревожился Алан.

Я пожал плечами.

Говорят, они создали нечто вроде ядерного центра. В Пактии[9 - Провинция Афганистана.]. Там работают иракцы, кое-кто из китайцев, корейцы. Достаточных ресурсов для ядерного производства, конечно, нет, а вот сборка

небольших боезарядов из готовых полуфабрикатов...

Вы просто ужас какой-то рассказываете! – закудахтал голландец. Не дай бог, они и ракеты достанут!

Разговор продолжался минут двадцать, за это время можно было хорошо поджариться. Алан и Терри вернулись на прием, где все предавались обжорству, пьянству и банальному трепу. А я сказал, что устал и пойду к себе. Ополоснулся ? к пакистанскому «душу» давно привык ? и лег спать.

Проснулся ровно в час, оделся, захватил сумку с цифровой видеокамерой и вышел наружу. Вокруг было пустынно, коктейль закончился, гости разбрелись по своим комнатам. Перелет, жаркий день, вечернее возлияние не могли не утомить. Мертвое царство. Все спали, как сурки. Впрочем, нет, не все.

План базы я выучил заранее и легко отыскал пятый самолетный ангар. Там меня ожидал Рашид Усмани – лейтенант пакистанских ВВС. Он оказывал нам разные несложные услуги и получал за это неплохие деньги. Это Усмани выяснил время и место передачи «хатфа». Три часа утра, на окраине деревушки Билья Мина.

Я вошел внутрь, прислонился к стене из гофрированного металла, вытер пот со лба, выудил из кармана крепчайшие «Голден лив», чиркнул спичкой. В полумраке обозначились контуры самолета.

? Предпочитаете пакистанские? ? из глубины ангара выплыла фигура Усмани. ? Для иностранца необычно. По сравнению с ними солдатский «кэмел» ? детская забава.

? «Кэмел» без фильтра уже нигде не купишь, вот и курю «Голден лив». Иногда мне кажется, что я стал почти пакистанцем. ? Как говорят остроумцы, в этой шутке была доля шутки.

Учебный «Мушак», не без гордости заметил Усмани, кивнув на самолет. ? Отличная машина. Пакистанская, ничего китайского.

Я изобразил восторг. Лейтенант расплылся в улыбке и поторопил меня: «Пора, время не ждет».

Но хотелось докурить и поделиться своими сомнениями.

? Как-то все слишком гладко... Тебе не кажется странным? Зачем всё привязывать к этому празднику? Нагнали дипломатов, корреспондентов... Ведь можно было сделать втихую. Шито-крыто. Такое чувство, будто меня подставляют. Спокойно гуляю по режимному объекту, никто не «пасёт», вот сейчас сяду к тебе в машину, нас выпустят с территории базы, и мы так же спокойно поедем к месту спецоперации, совершенно тайной, о которой не дай бог, кто узнает... Будет ой-ёй-ёй. Может, объяснишь? Скажи, что я не прав.

Усмани нервно поправил фуражку. Приложил ко лбу два сомкнутых пальца, проверяя расстояние между козырьком и линией бровей. Шумно вздохнул и без особых предисловий признался:

? Я так и знал, что ты догадаешься. Уже какое-то время... В общем, меня раскрыли. Пришлось... сам понимаешь, семья, дети...

За что я люблю пакистанцев, так это за их детскую непосредственность. Бесхитростность. Никаких уверток, недомолвок, виляния из стороны в сторону. Спросил – ответил. Двойной агент хренов.

? И нашим, и вашим, ? констатировал я. ? Ладно... Значит, забота о семье. Подозреваю, что никакая передача «хатфа» не состоится, так?

По выражению физиономии Усмани можно было легко прочесть: да, так.

? Ну и зачем меня туда везти? Что твои начальники затеяли?

Усмани пожал плечами: ? Так распорядились.

? Если я откажусь, у тебя будут неприятности?

? Не очень крупные, ? слабо улыбнулся лейтенант. ? Скажу, что ты обо всем догадался, не мог же я тебя заставить...

? Верно... ? я принял решение и хлопнул Усмани по плечу. ? Пожалуй, все же двинем. Иначе никогда не узнаем, к чему вся эта история. Начальству перечить

нельзя. И ложиться спать бессмысленно, все равно не засну. Хотя бы прокатимся. Ну, вперед.

Мы вышли из ангара, завернули за угол, там стоял открытый джип «тойота» ? из тех, что японцы делали еще лет 40 или 50 назад. Срисовали с американского «виллиса» и «бантама», но улучшили, поставили движок от грузовика – 6 литров! Получилась мощнейшая, неубиваемая тачка, которая до сих пор бежит по жуткому пакистанскому бездорожью, на неё всегда и везде можно положиться. Но вряд ли меня могла обрадовать фигура Терри Макмэна, который выдвинулся из черноты ночи и с самым невозмутимым и наглым видом оперся о кузов джипа.

Усмани остановился как вкопанный, а я не удержался и выругался: «Holyshit!»[10 - Что за дьявольщина (англ.)]. По-английски, чтобы Терри понял. Хотя что тут было понимать.

? Beeasy[11 - Не волнуйтесь (англ.)], ? сказал толстяк, смазав меня противным взглядом. ? Без паники. Я здесь только из-за тебя. Можешь не верить, твое дело. Знаю, куда и зачем ты собрался, поснимать для отчета, так? Возьмите за компанию. Вот, ? он вытащил из сумки, висевшей у него на плече, «найкон» с телеобъективом. Подмигнул мне и поинтересовался: ? У тебя такой есть? Замечательное изобретение. Хочешь ? видео, хочешь ? фото.

? У меня лучше, ? ответил я и достал свой «кэннон». ? Хочешь ? видео, хочешь ? фото. Будем мериться, у кого больше пикселей?

? Да ладно! ? хрюкнул Терри, он явно получал удовольствие от нашей перепалки. ? Нам-то? Чтобы «кэннон» с «найконом» не нашли общий язык? Да быть такого не может! А русский с американцем? Конечно, ты пройдоха порядочный, но мы вместе боремся за мир и дружбу! В одной команде! Пока наши боссы вконец не расплевались.

? А как ты узнал... ? начал спрашивать я, но тут же прикусил язык. И так все было ясно.

? Как только увидел тебя, сразу и узнал, ? хохотнул Терри. ? По какой еще причине тебе было переться в эту дырку от задницы? Мир тесен, приятель, особенно наш мир. ? Последние слова он произнес как бы доверительно, выделил со значением. Причмокнул и уставился на меня, нахально и

издевательски.

? А если я не соглашусь, ты, конечно, не пойдешь баиньки.

? Не пойду, ? ухмыльнулся американец. ? Подниму тревогу, и вас повяжут. Пакистанца, ? он глянул на Усмани, ? под трибунал, а русского в 24 часа. Персона нон-грата и прощай зарплата.

? Сволочь ты, Терри, ? констатировал я без всяких эмоций.

? Ничего подобного, я поступаю как настоящий товарищ по оружию, исключительно из желания позаботиться о безопасности коллеги по контртеррористической коалиции. Когда поймешь, будешь ползать за мной на коленях и ловить мою руку ? чтобы покрыть ее поцелуями.

Я рассмеялся, так искренне и непринужденно, что Терри опешил и обидчиво поджал губы.

? Ладно, мы тебя берем, только учти: никакой передачи ракеты не будет, пакистанцы все разнюхали и отменили, а зачем устроили этот праздник и нас сюда притащили, непонятно. Вот, наш друг Усмани тоже не понимает.

На Терри было жалко смотреть. Этот жизнерадостный толстяк ссутулился, его полные щеки втянулись, кабаньи глазки беспокойно забегали. Он судорожно вырвал мобильный телефон из кобуры ? она у него крепилась к ремню ? и набрал номер. Никакого эффекта. Приятный женский голос на урду известил: «Ап ка матлубе намбер ас вакат банд хэ», то есть аппарат занят или находится вне зоны доступа.

? Что за ерунда, ? бормотал Терри, ? когда мы приехали, я звонил, все было нормально... Снова и снова тыкал пальцем в кнопки, но с аналогичным результатом.

? Они связь заблокировали, ? пояснил Усмани.

Кто «они», было понятно. Но с какой целью? Чтобы мы не смогли доложить о несостоявшейся операции? Ну, доложим днем позже. Что это изменит?

? Понимаете, ? почти обреченно признался Терри, ? мы планировали уничтожить «хатф» во время передачи. С дрона. В три часа утра...

Идея, в общем, здравая. Не позволить талибам завладеть ракетой, которую они потом могли выпустить по городу или любому другому объекту.

? Надо предупредить, дать отбой, но нет связи, я не могу...

? Успокойся, ? оборвал я американца, чьи стенания только раздражали.
? Боишься, что тебя накажут? Бонус не выдадут? Вычтут из жалованья стоимость выстрела? Может, твои не станут стрелять. Не должны. Системы наблюдения-то имеются. Увидят, что самоходно-пусковая установка не приехала...

? А если не увидят? Дрон откроет огонь, как только уловит любое движение, ? принялся объяснять Терри, ? появятся талибы, и тогда все... Это большие средства, все информация шла от меня, от моего источника в штабе армии, я буду кругом виноват...

? Боюсь, у нас один и тот же источник, ? я начинал кое-что соображать. ? По-моему, нас намеренно ввели в заблуждение, тебя и меня... Только на кой ляд? Чтобы свозить сюда, на базу? Посмотреть на атаку дрона? Орушники могли просчитать, что вы примете такое решение. Осведомителей у них хватает... Но это залп по пустому месту. Ну, с десятков боевиков положите... Для вас это пустяки. И Раззака вы не включали в список приоритетных целей. Ради этого посылать дрон и тратить ракеты...

? Нет! ? неожиданно выкрикнул Усмани. Мы удивленно обернулись и увидели, что в глазах лейтенанта застыл ужас. Губы его тряслись и говорил он, волнуясь, запинаясь, рваными фразами: ? Не пустое, нет... Не пустое место... Нет... Не только талибы. Там школа. Для афганских детей-сирот. Беженцев...

? Черт! ? одновременно вырвалось у нас с Терри. Теперь все становилось более или менее ясным. По всей видимости, «дезу» орушники подбросили для того, чтобы спровоцировать удар «предэйтора». На то, что погибнет сколько-то там талибов, им начхать. А разрушенная школа и убитые детишки – отличный повод для сенсационного скандала, который в очередной раз покажет всему миру, на что способны американцы, как они нарушают национальный суверенитет и бьют

не по боевикам, террористам, а по гражданским объектам. Варвары, одним словом.

Не сговариваясь, мы бросились к джипу, Усмани запустил мотор, «тойота» рванула с мест.

? Сколько там детей? – прокричал я, пытаюсь перекрыть рёв двигателя.

? Точно не знаю! ? прокричал в ответ Усмани. – Восемь, десять, двенадцать, где-то так. Видел я эту школу. Они там учатся и живут. Под опекой имама. Пока их не распределяют по семьям.

Такое правило есть в Пакистане и в других мусульманских странах. Детей, оставшихся без родителей, не бросают на произвол судьбы, не отдают в детские дома, которых попросту не существует. Их берет на попечение община. Со временем усыновляют или удочеряют.

Деревня Билья Мина находилась в небольшом оазисе, в двадцати километрах от базы. У лейтенанта имелись все необходимые пропуска, впрочем, нас никто не останавливал. До назначенного времени оставалось около часа, и мы ехали так быстро, как только могли. Но дорога была без покрытия, хоть и укатанная. Большой скорости не разовьешь. Попадались ямы, трещины, приходилось притормаживать. Мелкие камешки и грязь летели из-под колес. Мы мчались в облаке пыли, отплевывались и ругались.

В Билья Мине проживало несколько десятков человек, все они еще крепко спали, одурев от дневной жары. Лишь один пастух поднялся спозаранку и гнал стадо овец к находившейся неподалеку горной гряде. Там, наверху, было прохладнее, и он торопился добраться до пастбища. Скользя равнодушным взглядом по армейскому джипу, не проявил ни малейшего желания остановиться и затеять разговор. От этого не удержались бы его словоохотливые соотечественники из равнинных провинций – Пенджаба и Синда. А здесь считалось дурным тоном интересоваться чужим делами.

В серовой рассветной дымке проступали очертания убогих домишек с плоскими крышами, дуканов с опущенными металлическими шторами. Улицы грязные, замусоренные. Повсюду полиэтиленовые пакеты, кучи отбросов. О канализации здесь понятия не имели, ее заменяли канавы и ямы, заполненные

экскрементами людей и животных. Дожди смывали их на окрестные поля, однако дождей не было уже несколько недель, люди задыхались от жары и зловонных испарений.

? Под сиденьем! ? гаркнул мне в ухо Усмани. ? Там моя «сменка». Возьми майку, она белая.

Я вытащил мешок с одеждой, нашел футболку. Выстиранную и выглаженную, она вполне могла сойти за белый флаг. Принялся размахивать ею над головой и заорал, что есть мочи: «Envoys! Envoys!»[12 - Парламентеры, посланники (англ.)]».

? Они не поймут! ? надрывно произнес Терри. ? Надо на пушту, но я не знаю... Не выучил. ? Усмани! Усмани!

Лейтенанта заботило одно: как бы не слететь с раздолбанной дороги. Он зло дернул плечом:

? Так и будет. На пушту и урду. Мы используем много английских слов.

Терри дрожал ? от перевозбуждения или испуга, а когда джип подбрасывало на ухабах, судорожно цеплялся за борта и дуги для тента.

Я выматерился и чтобы подбодрить американца, сострил:

? Не дрейфь! Плевать! Пуштуны не ведут переговоры, сразу палят.

Зря я это сказал. Терри завизжал и обмочился со страху.

Наконец мы выбрались из деревни, до трех оставалось четверть часа, от силы минут двадцать.

? Вот здесь! ? Усмани резко затормозил у двухэтажного обшарпанного здания с плоской крышей. В тот же миг раздалась автоматная очередь ? похоже, талибы засели в ложбине, в глухих зарослях кустарника. Мы вывалились из джипа, укрывшись за колесами. Я вытянул руку с футболкой Усмани, которая уже не была белоснежной, снова стал размахивать этим подобием парламентерского флага и завопил: «Раззак! На помощь! Ты нам нужен».

Это был риск, вдруг данные были неверны и талибами командовал не Раззак, но тут, как говорится, пан или пропал.

Огонь прекратился, раздался голос: ? Эй, вы там, выходите!

Выглянув, я увидел Раззака и еще трех боевиков. У одного американская автоматическая винтовка, остальные, включая Раззака, держали наизготовку «калашниковы». Я поднялся и на всякий случай поднял руки, в одной из которых по-прежнему держал футболку.

В Раззаке трудно было узнать прежнего дипломата. Он ссохся и согнулся. Шальвар-камиз болтался на тощей фигуре бесформенным балахоном. Лицо угрюмое, жесткое, с ввалившимися глазами.

Талибы подошли к джипу и жестами показали, чтобы Усмани и Терри выбирались из своего укрытия.

? О какой помощи ты говоришь? – спросил Раззак. – Тебя я помню. Ты русский. А это кто? Ты, я вижу, военный, ? он кивнул на Усмани, ? а вот ты...

? Он американец, но он не виноват, ? выпалил я, ? лейтенант Усмани тоже не виноват, мы приехали, чтобы не допустить катастрофы... это ловушка, провокация, никакой ракеты не будет, здесь школа, сейчас прилетит дрон, паки сводят счеты с американцами, мы должны спасти детей! Времени почти не осталось!

Нужно отдать должное Раззаку, он соображал быстро. Что-то гортанно выкрикнул, из зарослей выбежали еще несколько бойцов. Пятеро или четверо, не помню. Мы бросились к школьному зданию. Дверь была заперта, но талибы с ходу ее выломали. Подняли с кровати учителя, седобородого пуштуна, не слушая его протесты, поволокли к выходу, детей хватали в охапку, один верзила потащил сразу двоих, мальчишку и девочку, совсем малышей, лет по шесть, восемь. Они колотили его своими ручонками по бокам и спине, не понимая, что происходит, но парень только пыхтел и, по-моему, усмехался. Малышей усадили в джип и Усмани сразу рванул в сторону деревни. Те, что постарше, побежали следом.

Учитель пришел в себя, ему сказали, что сейчас начнут бомбить, и до старика дошло. О дронах тут знали не понаслышке.

? Всех вывели? Сколько всего детей? – в унисон спросили мы с Раззаком.

? Всех, ? неуверенно ответил учитель. – Вроде всех... Нет! – его голос сорвался на крик. – Должно быть тринадцать. Роя! Несносная девчонка. Самая старшая. Опять спряталась. Скорее всего, на кухне, она там всегда прячется.

Издалека слышался гнусавый, воющий звук беспилотника. С таким звуком дроны заходят на атаку.

? Уходите! – рявкнул Раззак и кинулся в дом.

Мы побежали прочь ? как можно дальше.

Удар был стремительным и внезапным. Гроыхнуло и полыхнуло, здание наклонилось, стало оседать, потом стены обвалились, и крыша рухнула.

Не успел развеяться дым и осесть пыль, как появились жители Билья Мины – им было уже не до сна. Объяснять ничего не пришлось – это была не первая атака дрона и, увы, не последняя. Вместе мы растаскивали обломки – в надежде найти Раззака и Рою. В то, что они выжили, никто не верил, но чудеса случаются. Как потом выяснилось, Роя, четырнадцатилетняя девочка, спряталась на кухне, под огромной чугунной варочной плитой. Она послужила броневой защитой для девочки и отыскавшего ее полевого командира.

Что было потом – не так уж важно... Талибы ушли к границе, а мы вернулись на базу и потом в Исламабад. Пакистанцы, как и планировали, использовали происшедшее в своей пропаганде, оговорившись, правда, что «информацией о жертвах» не располагают. Усмани перевели в какую-то несусветную глушь. В посольстве я написал отчет, и там об этом инциденте быстро забыть.

Через несколько месяцев у меня была командировка в Кветту, и я навел справки о детях. Почти всех забрали семьи из Билья Мины и других деревень. Только Рою никто не взял, может, потому что слишком взрослая и с норовом. Сначала определили в лагерь для беженцев в Назирбагхе, а потом устроили в ооновскую

контору, которая занималось продовольственной помощью. На техническую должность, за стол и ночлег. Я заглянул туда, спросил у сотрудника, норвежца то ли финна, как живется девочке, не слишком ли ей одиноко. Скандинав заулыбался и сказал: отчего же, ее навещает какой-то мужчина, родственник, наверное, а может даже отец. Внезапно мне пришло в голову, что это мог быть Раззак, хотя едва ли. Какой из него отец. Проверять не стал, какая мне в сущности разница.

3. Приговорённый

В ноябре Исламабад изнывал от засушливой погоды и сквозняков, гулявших по улицам и переулкам. Когда же приходил настоящий ветрило, он сдувал с гор тонны песка и пыли, обрушивавшихся на горожан. Песок скрипел на зубах, пыль забивала уши и нос. Хвала аллаху недолго всё это продолжалось – час или два.

Я принимал посетителей в консульском отделе. От меня их отгораживало отливавшее синевой бронестекло, и они казались людьми из другого мира. Наверное, так оно и было. В заношенных шальвар-камизах, тапочках на босу ногу, заискивающие, изможденные. Большинство были бедняками и шли пешком от самых ворот дипломатического анклава. Студенты ? за учебными визами, полубезумные старики, обивавшие пороги всех посольств. Думали, в Европе все как сыр в масле катаются и там можно денег раздобыть. А Россию считали частью Европы, или стартовой площадкой, откуда можно было в эту самую Европу попасть. Я их не разубеждал. Просто предлагал зайти через год или два.

Впрочем, не только голытьба приходила. Иногда вежливые бизнесмены возникали перед бронестеклом. В костюмах «черутти» и туфлях «вилсон». Военные офицеры, сотрудники министерств. К ним, разумеется, особое отношение.

Я принимал и отдавал разные документы, паспорта, объяснял охрипшим голосом дедуле с седой бородой, что он не похож на студента, а лощеному наглецу с шелковым платком в кармашке пиджака втолковывал, что помимо денег (взятку совал) нужно иметь официальное приглашение.

Потемнело, несмотря на середину дня, маленькие хищные смерчи взметали мусор, пыль и частицы измельченного дерьма, оставленные на улицах местной живностью. Буйволами, коровами и козами, которых крестьяне почему-то предпочитали пасти в дипломатическом анклав, а также дикими кабанами, шакалами, собаками и котами. От приближавшейся бури сжало сердце. С горной гряды косо съезжала широкая полоса тени, будто на город набрасывали черный хиджаб.

И вот перед окошком появилась она. Глубоко вздохнув, я уставился в паспорт. Наконец. Вот она, долгожданная встреча. Прощелся взглядом по казенной фотографии. Ровные строки, выведены официальным круглым почерком. Римма Наваз. Год рождения – 1997. Место рождения – Вологда. Паспорт выдан...

Я поднял глаза ? сличить фотографический отпечаток с оригиналом. Были отличия, и немалые! Застывшее изображение, даже цветное, лишает человека души и индивидуальности.

Черные, очень густые, коротко подстриженные волосы подчеркивали белизну кожи. Такой могли бы гордиться европейские аристократки прошлых веков, прятавшиеся за большими зонтами от солнца и грубых ветров. Лицо нельзя было назвать миловидным, прелестным или смазливym. В его чертах читались воля, решительность. Выставленный вперед подбородок, четкий рисунок розовых, чуть влажных губ, карие глаза с золотыми искрами, тонкий, правильной формы нос, который просился на карандаш художника. Порода, все это называется порода. Откуда она взялась в вологодской глубинке?

Римма была сиротой. Как ей рассказали в родильном доме (она наводила справки уже после окончания школы), ее мамаша прибежала туда в последнюю минуту. Родила на пороге – пикантная подробность – прямо в колготки. Так, в колготках, рваных и нестиранных, младенца торжественно доставили в палату, где обеспечили уход и кормление. Мамаша в этом участия не принимала. Подписав все необходимые бумаги, отказалась от дочери – только ее и видели. Имя, правда, успела оставить и фамилию свою дала. Стала девочка Настей Рогожкиной. Достигнув совершеннолетия, всё поменяла. Решали зваться Риммой Алексеевой. Детдом находился на Алексеевском спуске.

? Мне нужно с вами поговорить. Сейчас. Лично, ? шевельнулись ее губы. Слова слетали с них словно бабочки с лепестков цветка.

? По какому вопросу? – осведомился я деревянным голосом.

? Я жена Олега Наваза.

Других посетителей уже не было, они бежали от подступавшей бури, от нее тряслись деревья и гремели оцинкованные крыши жилых корпусов и служебно-представительского здания. Ветер подвывал, поднимая с растрескавшегося асфальта мусор. Покружившись в воздухе, застревал в двойной «спирали Бруно», острой как бритва, протянутой по верху двухметровой стены, окружавшей посольство.

Я пригласил Римму войти.

Усевшись в кресло, она заложила ногу на ногу, устремила на меня колющий взгляд.

? Вы должны спасти моего мужа. – Сказано было безапелляционно и наступательно.

Я обязан был вести себя естественно – как чиновник, которому дела нет до страданий и переживаний других. Чиновничьи повадки я терпеть не мог, но для поставленной задачи онигодились как нельзя лучше. А задача состояла в том, чтобы Римму к ее супругу не пустить. Ни под каким видом.

Поэтому я хмыкнул, и ответил сухо и казенно:

? Мы делаем все возможное. В соответствии с обстоятельствами и обязательствами консульства и посольства.

? Да ничего вы не делаете! – возмутилась Римма. – Вы равнодушны. Не заботитесь об Олеге. О его освобождения. Чтобы меня к нему пропустили! – Тут она всхлипнула, и я придвинул к ней коробку с салфетками.

Мне казалось, я видел ее насквозь, легко разгадывая нехитрую игру с негодными средствами. Вся сила, все настоящие средства были у меня и у тех, кто стоял за мной. Портила картину лишь шевельнувшаяся во мне симпатия к сидевшей напротив молодой женщине. И сознание того, что она чертовски

привлекательна. И возможно, ради встречи с мужем согласится на многое... Но всерьез я, конечно, не рассматривал такой вариант, он спутал бы нам все карты.

Римма вздохнула и произнесла уже не задиристо, а устало и безрадостно.

? Ну? Что вы можете сказать?

Олег родился от смешанного брака русской и пакистанца. Отец, Саиф Наваз, учился в Москве на терапевта и проходил практику в одной из вологодских больниц, где состоялось знакомство с медсестрой, польстившейся на эффектного иностранца. Саиф был носатым, усатым и щедрым. К тому же ? отпрыском семьи, причислявшей себя к пенджабской аристократии и перенявшей у британских колонизаторов снобизм, высокомерие и чопорность. На одной из семейных фотографий, попавших в досье, он красовался вместе с супругой, Серафимой Петровной. В молодости она выглядела крутобёдрой сиреной, которой не стыдно было бы украсить бушприт корабля эпохи Великой армады. Но с годами растолстела и обрюзгла.

Допускаю, это было одной из причин, почему прожив десять лет в браке и родив сына, Саиф затосковал по родным пенатам. Жизнь в Вологде утомляла однообразием и отсутствием перспектив. А Наваз, как выяснилось, любил перемены. Супруга не протестовала. Она увлеклась бизнесом ? держала несколько ларьков, а когда дело пошло на лад, открыла продуктовый магазин. Финансово не зависела от мужа и вообще от него отдалилась.

Разведясь, он вернулся домой и занял уважаемое и хлебное место – главного санитарного врача Кашмира. Росчерком пера мог закрыть любое предприятие или организацию, так что деньги к нему текли рекой. В невестах недостатка не было, и Наваз заново женился ? трижды, уже не разводясь. Местные законы позволяли, была бы возможность содержать разных супругов.

Однако в Пакистане началась борьба с коррупцией, счета Саифа арестовали, и он спешно покинул родину, а заодно и всех жен. Нашел пристанище на британских берегах, где подыскал очередную пассию – богатую аристократку с лошадиной мордой. О своей первой жене и сыне не вспоминал. Вплоть до того момента, когда ему понадобился надежный человек, чтобы возглавить созданную им неправительственную организацию. Она занималась борьбой с последствиями стихийных бедствий в Пакистане и распределяла миллионы

фунтов для пострадавших. Недурной куш для ловкого человека! Чтобы урвать его, да еще поделиться с лоббистами, следовало поставить во главе НПО своего человека. Вот и вспомнил о сыне.

Олег к тому времени окончил школу, в вуз не поступил и перебивался случайными заработками. С матерью почти не виделся – она вышла замуж за преуспевающего дантиста, который не нашел общего языка с пасынком. В конце концов, на семейном совете было решено, что мальчик достаточно взрослый, чтобы жить отдельно. Ему купили однокомнатную квартиру, но ничего «взрослого» он так и не совершил.

Основным его достижением была женитьба на Римме. Ранний брак, обоим едва исполнилось восемнадцать. Неважно, где они познакомились. Может, на танцульках, на какой-нибудь молодежной тусовке. Римма работала на фабрике, производившей кастрюли. Целыми днями стояла у штамповочной машины, жила в общежитии. Олег стал для нее находкой. Мать давала деньги, квартира имелась. Внешне друг другу они подходили. Невеста – красавица. Жених? Высокий, с угольно-черной пакистанской шевелюрой, но по-русски открытым и улыбчивым лицом. Оба были убеждены в своем совершенстве, и никакой нормальной супружеской жизни у них не получилось.

Эйфория первых месяцев быстро завершилась – наступила полоса безденежья и взаимных (не беспочвенных) подозрений в измене. Серафима Петровна считала женитьбу преждевременной, и размеры дотаций с ее стороны сильно уменьшились. Она считала, что вертихвостка задурила голову ее сыночку. Олег с ней не соглашался, и отношения с матерью испортились.

Римма любила наряды, танцы, компанейское общение и надеялась выбиться в высший свет. Олег любил сидеть дома, читать и воображал себя романтиком – капитаном Греем из «Алых парусов». Жаль, что Римма на роль Ассоль не подходила.

Он увлекся политикой. Осуждал социальную несправедливость, штудировал труды анархистов, троцкистов и прочих «властителей дум», пытался заинтересовать Римму судьбами Че Гевары и Франца Фанона. Тщетно.

Молодые не развелись, но расстались со смешанными чувствами, и Олег отправился в Исламабад – навстречу новым впечатлениям. Ему не хватало

солидности, зато глупость и неуравновешенность имелись в избытке. Как иначе объяснить, что он не полетел прямым рейсом в Исламабад, где находился офис организации, а прибыл в Карачи – чтобы оттуда совершить полное опасностей путешествие в столицу. Не по воздуху, а по земле, на арендованной автомашине. Разбитые дороги, не все обозначенные на картах, десятки и сотни километров сквозь несусветную глушь, и самое неприятное – нападения разбойников и грабителей.

В Исламабаде Олег всерьез занялся гуманитарной работой, ездил в районы, опустошенные наводнениями, засухой и пожарами. В Пакистане с завидной регулярностью случается и то, и другое. А в промежутках получал удовольствие от своего нового статуса. От шикарной виллы, женщин, денег, комфорта, официальных приемов.

Увы, юноша оказался слишком честен, а может, слишком наивен для этой работы. Выяснил, что вся затея с неправительственной организацией придумана не для помощи несчастным страдальцам ? им доставались жалкие крохи от того, что выделяли британское правительство и частные спонсоры ? а для обогащения безнравственных дельцов. Вся его натура, сформировавшаяся в процессе изучения утопических текстов, возмутилась циничным обманом. Ему бы расплесться с отцом и отойти в сторону, так нет же, пошел ва-банк. Созвал пресс-конференцию, выступил с разоблачительным заявлением, которое напечатали центральные пакистанские газеты.

Но этого ему показалось мало. Вступил в ряды левацкой группировки с громким названием «Тигры пакистанской революции». Там собрались такие же юные и недалекие олухи. Осуждали правивший в стране военный режим, призывали к демократии и равноправию. Ничего нового. На революционные выступления силенок не хватало, а вот листовки печатали и распространяли где придется. В отелях, университетах, торговых центрах...

Из Лондона примчался возмущенный отец, чтобы урезонить отпрыска. Тот ни в какую. Его подхлестнул звонок из Москвы восторженной Риммы. Безрассудство Олега воспламенило угасшую было страсть. Теперь муж вызывал у нее восхищение ? она усмотрела в его поступке нечто «подлинное». Вот такие выверты выделяет неустойчивая психика молодых людей, рассчитывающих на нечто большее, нежели то, что может им предложить жизнь. Окрыленный поддержкой, Олег предъявил отцу ультиматум. Или продажный родитель кается и рвет со своими партнерами, либо сынок предаст огласке компрометирующие

материалы.

Саиф не мог подвести компаньонов, финансовый крах его не прельщал. Тем более, что у него появилась новая боевая подруга. Распрощавшись с «лошадиной мордой», он соединился с креолкой из Доминиканской республики, которая привыкла к роскоши. Использовал свои связи, нанял законников, которые подтасовали факты и сфабриковали обвинение в коррупции, подлоге и прочих финансовых преступлениях. В общем, выставили мошенником самого правдоискателя. И объявили террористом и экстремистом. Олега и всех товарищей арестовали. Во время обыска изъяли документы, которые могли бросить тень на Саифа.

Военный трибунал приговорил «тигров» к разным срокам заключения и каторги, а Олега – к смертной казни через повешенье. Отправили в одну из самых страшных пакистанских тюрем, в форт Атток. Когда-то там держали опального премьер-министра Наваза Шарифа. Но тот вывернулся – богач, аристократ, политик со связями, а парень попал в жернова, которые должны были его перемолоть, измельчить в пыль. Рассчитывать можно было только на поддержку посольства.

Арест и заключение в тюрьму Олега Наваза входили в план, разработанный нашей службой. Мы были уверены, что добьемся его освобождения как российского гражданина. Но возникли новые обстоятельства.

Сначала пакистанцы не отвечали на наши ноты, а затем объявили, что Олег Наваз – гражданин не России, а Исламской республики Пакистан и все посольские претензии безосновательны. При обыске у него нашли NIC – National Identity Card, или Национальное удостоверение личности. Впрочем, когда мы потребовали сообщить нам номер, паки замялись. Возможно, карточка была поддельной. В отличие от российского паспорта, в котором было прописано, что его обладатель – гражданин Российской Федерации.

Началась тягучая переписка, имевшая один позитивный результат – Олег оставался в живых. Его держали в каменном мешке, в кандалах, но не убивали. Так продолжалось почти год, но нас это не смущало. Во-первых, длительное пребывание в застенке придавало Олегу значимый вес с учетом наших дальнейших планов. Во-вторых, мы были близки к тому, чтобы добиться его освобождения.

Еще в России Римма развила бурную деятельность. Писала челобитные пакистанскому президенту, премьер-министру, генеральному прокурору. Через адвоката направила апелляцию в Верховный суд. Затем собрала деньги и рванула Исламабад.

С ее появлением все могло пойти прахом. Поэтому мой шеф, Рашид Асланович Галлиулин, сказал жестко и безапелляционно: «Делай, что хочешь, нельзя допустить к нему эту девку».

Наша беседа длилась около получаса. Римма требовала от посольства энергичных усилий по освобождению Олега, а я твердил, что мы и так делаем все возможное. Знал, что мы Олега в конце концов вытащим, но не раньше, чем Римма покинет Исламабад, встречаться им не следовало.

Девушка не скандалила, от репримандов воздержалась. Встала, собралась и покинула пункт консульского приема. На прощание одарила меня взглядом, в котором не было грусти, тоски и отчаяния. Зато читались уверенность в себе и даже легкая насмешка над консульским работником, который заладил одно и то же. Вот тогда у меня мелькнула мысль, что это не фабричная девчонка, упертая и наивная, а человек неглупый, способный добиваться своего.

Я не ошибся. Через несколько дней стало известно, что Римма посетила министра внутренних дел Первеза Илахи Махмуду. Каким образом пробилась, было не ясно. Очереди к нему на прием ждали месяцами. Мы терялись в догадках. Пакистанцы с делом Олега Наваза тянули резину, а тут ? зеленый свет. Допустим, решили показать, какие они сердобольные и заодно «сделать козу» посольству. Дескать, одно дело ваши нудные запросы, и совсем другое ? искреннее стремление юной супруги выручить из беды своего благоверного. Но, возможно, Римме кто-то помог. Только кто? Оставалось непонятным, как эта девица смогла меньше чем за неделю «наработать» полезные связи. Словом, какая-то чертовщина.

Но самое существенное и неприятное заключалось в том, что Первез дал добро на свидание Риммы с мужем и даже день конкретный наметил. Это означало, что действовать следовало немедленно, иначе все наши планы летели в тартарары. Кому действовать? Мне, кому же еще.

Галлиулин укорял мне так, будто именно я всех подставил и за всё в ответе.

? А кто еще? Ты с ней встречался, не раскусил, не разубедил, пустил дело не самотёк, и вот поэтому мы теперь имеем, что имеем! Надо было не отходить от нее ни на шаг, вызвать на откровенность, втереться в доверие, трахнуть в конце концов, чтобы она голову от тебя потеряла и слушалась во всём!

Я не спорил: когда шеф входил в раж, спорить с ним не имело смысла, хотя можно было, конечно, резонно возразить, сказать, что такого поручения мне никто не давал, а самостоятельность у нас каралась строго, да и других поручений у меня было выше крыши, никто их с меня не снимал. В общем, я промолчал, а когда Рашид Асланович немного успокоился, то начал вместе с ним прикидывать, какие аргументы заставят Римму пойти нам навстречу. Вариантов было три. Первый самый примитивный, последний – самый рискованный, «на крайняк».

? Ты излагай последовательно, ? напутствовал меня Галлиулин, ? от простого к сложному. Не выгорит с первым, переходи ко второму, а если и с этим не получится, тогда уж валяй напролом.

? А если отлуп по всем фронтам? ? поинтересовался я несколько развязно и тут же пожалел об этом.

? Ты мне этот прибалтанный жаргон, знаешь, куда себе засунь? ? разъярился Рашид Асланович. И посетовал: ? Никакой штабной культуры, не то, что раньше... И принялся массировать себе виски, а потом схватился за сердце. Мне стало его жаль. В конечном счете на него все шишки посыплутся. Я извинился, принес лекарства и сказал, что с этого момента все правила штабной культуры буду соблюдать неукоснительно.

? Ладно, проваливай, «штабист», ? тяжело дыша, буркнул Галлиулин. ? И не забудь – нам нужен результат.

Я заверил, что результат будет, хотя иллюзий на этот счет не строил.

Был приятнейший вечер, такие выдаются в конце исламабадской осени. Жара ушла, пыльной бури как не бывало, и солнце дарило умеренное, расслабляющее тепло, которое так ценят пакистанцы. После окончания рабочего дня они лениво прогуливались по аллеям, вели неторопливые беседы за чашкой кавы, зеленого чая, играли в нарды и верили, что жизнь задалась. В такой вечер меня бы

устроил холостяцкий ужин с бутылкой хорошего вина, а вместо этого приходилось отправляться в гестхаус, где остановилась Римма Наваз. Но не пришлось. Римма меня опередила.

Я уже готовился уходить, когда раздался гортанный голос чокидара: «Сааб, это к тебе, сааб!». Чокидар, по-местному, сторож, был бесполезным стариком, который даже не заряжал ружье – так, таскал для виду. Вообще, эта древняя рухлядь уже никогда не смогла бы выстрелить. Чокидар с этим реликтом переходил от постояльца к постояльцу, и ни у кого не поднималась рука его уволить. Сначала я собирался нанять какого-нибудь рослого и мускулистого детину, а потом сообразил – смысла в том никакого. Бандитов не остановит, а профессионалам самый грозный верзила не помеха. Зато старик ни во что свой нос не сует, дремлет на стульчике у ворот, и ладно.

Вышел я на зов, увидел Римму и невольно уставился на белую кожу в вырезе легкого платья. Она не уступала пакистанским условностям и одевалась так, как привыкла. Упругая грудь выпирала из батистовой блузки, крепкие, гладкие ноги открыты выше колена. Узкие ступни в плетеных босоножках. Собранные на затылке волосы открывали шею.

Уловив мой взгляд, усмехнулась, и я отвел глаза. Пригласил в дом, предложил чаю и рюмку чего покрепче. А потом ? разделить мой скромный ужин, который, не дожидаясь указания, поспешно принялся готовить чокидар. Он предпочитал пакистанскую кухню, и я содрогнулся, представив чикен боти в его исполнении, переперченный, в пережаренном масле. Но Римма от ужина отказалась, от рюмки тоже, а чай пила небольшими и частыми глотками.

? Извините, что без предупреждения завалилась.

Так и сказала – «завалилась». Я ожидал, что будет дальше. Девчонка была себе на уме, ей что-то было нужно, и это «что-то» требовалось обратить нам на пользу.

? Вы, думаю, знаете, что я договорилась о свидании с Олегом, без вашей помощи, как видите. ? Я не отреагировал на сарказм, просто кивнул, постаравшись вложить в свой кивок оттенок уважения. Отчего не доставить удовольствие юной бандитке, я про себя ее уже так называл. ? Ну, вот, ? продолжила она, прихлебывая чай, ? встреча состоится в субботу, в 10 утра,

значит, послезавтра... И я бы хотела поехать вместе с вами. Так будет правильно. Ведь посольство должно участвовать, разве нет?

С этим я согласился, не преминув заметить, что путь до Аттока предстоит долгий и лучше его проделать не в такси, а с мной, в моей машине. Тут она стала меня благодарить, но я ее прервал, заметив, что у посольства есть свои очень серьезные соображения, которые раскрывать я не имею права, но суть в том, что сейчас как раз тот момент, когда встреча может повредить Олегу.

Похоже, Римма ожидала чего-то подобного, поджала губы и заявила, что отказываться от свидания не намерена.

? Вы должны понять, чего мне стоило...

«Мне-то как раз невдомек, чего тебе это стоило», ? мысленно прокомментировал я.

? ...особенно, учитывая, что вы, ваше посольство, ? слова «ваше посольство» сопровождалась прелестной, но презрительной гримаской, ? добиться этого не сумели. И ссылки на какие-то особенные «соображения», меня не убедят. Она смотрела на меня с чувством собственного превосходства, своими большими глазищами, оттененными пушистыми ресницами.

? Даже если мы вам выплатим компенсацию за моральный ущерб и возместим все ваши траты? Предположим, десять тысяч долларов? И возьмем на себя обязательство в самое ближайшее время освободить Олега и позже, когда появится возможность, устроить вашу встречу? Уже не в тюрьме, разумеется. А насчет «соображений» он сам все объяснит, и вот тогда вы непременно признаете нашу правоту.

? Не прокатит, ? отбросила мои доводы Римма, глянув на меня с недобрым прищуром. ? Не люблю, когда меня водят за нос. Но врете дальше.

«Все же ? фабричная девчонка, ? с сожалением подумал я, ? и бандитка. Никакой штабной культуры».

Так или иначе первый вариант не сработал, и я плавно перешел ко второму.

? Ладно... Тогда слушайте. Год в тюрьме не может не наложить на человека отпечаток. Он становится ранимым, раздражительным, крайне уязвимым, во многом непредсказуемым. Ваше появление может вызвать у Олега нервный срыв. Это чревато. Например, конфликтом с надзирателями. Возможно, пакистанцы на это и рассчитывают. Чтобы не выпускать его. И казнить. Не воображайте, что Первез Илахи разрешил вам свидание из человеколюбия. Он не альтруист. Может, у паков какая-то провокация на уме. Поэтому берите деньги и уезжайте. И гарантирую – через месяц или два вы обнимите своего избранника.

Римма улыбнулась, но это не была благодатная и покорная улыбка.

? Уже лучше, ? проронила она, протянув руку в сторону бутылки с «мартелем», словно была хозяйкой дома, а я выступал в роли слуги. ? Теперь можно и чего покрепче. Вы ведь, наверное, еще не все патроны расстреляли?

Я вздохнул, налил ей коньяк, а себе виски. Девчонка отличалась проницательностью, ей бы не кастрюли штамповать... С этой мыслью я перешел к третьему варианту, другими словами, рассказал правду.

Олег Наваз погиб еще до «своего» ареста. Почти сразу после прилета в Пакистан, по дороге из Карачи в Исламабад. Рассказы о бесчинствах дакойтов

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Магазины (урду, пушту).

2

Имбирем (урду).

3

Т.е. пакистанцев.

4

Дело сделано (урду).

5

Спасибо (пушту).

6

Господин, уважительное обращение.

7

Участники Движения Талибан – исламской радикальной политической организации, которая признана террористической в России (и во многих других странах) и запрещена.

8

Города Белуджистана.

9

Провинция Афганистана.

10

Что за дьявольщина (англ.)

11

Не волнуйтесь (англ.).

12

Парламентеры, посланники (англ.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/rudnickiy_artem/kol-co-proroka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)